

Кичигин, В. П. Гуманитарно-филологическое предисловие к геокультурному и историческому пространству Белгорода и его окрестностей / В. П. Кичигин // Белогорье. Краеведческий альманах. №2. – Белгород: Изд. БелГУ, 2000. – С.65-66.

Никонов, В. А. Краткий топонимический словарь / В. А. Никонов. – М.: Энциклопедия, 1966. – 509 с.

Новикова, Т. Ф. Лингворегионоведение: ч.1. / Т. Ф. Новикова: программа и программно-методические материалы. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – 76 с.

Осыков, Б. И. Города Белогорья / Осыков Б. И.: краеведческие очерки, историческая хроника, стихи о городах Белгородской области. – Белгород: КОНСТАНТА, 2008. – 84 с.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. – М.: Эксмо, 2006. – 480 с.

**Summary.** The paper attempts to review and describe topokontsepts and toponymic periphrasis of the Belgorod region in terms for inclusion in the regional dictionary and use in teaching of Russian language.

**Озерова Е. Г., Шевелева М. Ю.**  
**ДИДАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ**  
**СТАРΟΣЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА**

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный  
национальный исследовательский университет  
ozerova@bsu.edu.ru  
mayya91@mail.ru

Фразеологизмы старославянского языка служат важнейшим средством репрезентации тех духовных концептов, которые проецируют когнитивно-прагматическую сущность художественного текста. Однако их роль в формировании ценностно-смыслового пространства русской прозы все еще остается на периферии лингвистического поиска. Национально-культурная специфика фразеологизмов старославянского языка обуславливается тем, что их функционирование предопределяется специфической народной философией жизнесмыслов, которая служит своего рода камертоном православного мировосприятия, порождающим особый стиль художественного мышления. В связи с этим, объектом нашего исследования являются фразеологизмы старославянского языка и работа над ними в школе. Предмет исследования – употребление фразеологизмов старославянского языка в художественных текстах школьной программы. Материалом исследования является проза В.Н. Крупина, так как его произведения а) легко читаются и понимаются школьниками, б) вызывают интерес в связи с современностью и близостью писателя к читателю, в) включают в себя большой свод фразеологизмов старославянского языка, в основном библейских.

Отметим, что работа над фразеологизмами в школе предполагает изучение их исходного и вариативного, обусловленного контекстом значения, таким образом, историко-этимологический анализ является бинарным и направлен: 1) на выяснение истории и этимологии фразеологизма, 2) на выяснение современного значения фразеологизма и правильного использования его в речи. Большинство устойчивых словесных комплексов и идиом старославянского языка, употребляемых в текстах В.Н. Крупина, имеют ветхозаветные корни и являются фразеологизмами библейского происхождения. Согласно классификации Я.С. Зайцевой, можно выделить три типа фразеологизмов:

1. «Выражения, отличающиеся уже в Библии целостностью значения, экспрессивной выразительностью и практически сформировавшиеся в качестве фразеологических единиц» (Зайцева, 2010: 20). «...людей же поминаешь. Чего это такое: такой-то и **иже с ним**. Чего это за имя – «**иже с ним**»? У тебя-то небось имя полное – отец Михаил, и они, грешные, не «иже с ним». Ничего себе имечко. Вот тебя бы так обозвали. Мученики не скопом за Христа мучились, каждый отдельно за Господа страдал» (Крупин В.Н. «Марусины платки»). Во фразеологическом словаре старославянского языка дается следующая дефиниция:

**(И) иже (бѣахъ) съ нимъ, съ ними**

И те (были) с ним; и те, кто (были) с ним. О людях, близких кому-либо по положению. Взглядам; о единомышленниках, сподвижниках.

• В обороте (**И**) *нже съ нимь* грамматическим центром является местоимение *нже*. Как свидетельствуют старославянские памятники, вероятно, в X – XI вв. это местоимение могло сохранять еще свое прежнее указательное значение 'тот', 'те', на которое уже накладывалось новое относительное значение 'который', и тогда оно играло роль подлежащего во второй части сложносочиненного предложения, присоединявшегося с помощью сочинительного союза «и» и имевшего в своем составе сказуемое (обычно имперфект нетематического глагола *вѣти – вѣахъ*) (Шулежкова, 2011: 200-201).

2. «Фразеологизмы, образованные на базе свободных сочетаний Библии, но получившие во фразеологии новое, фразеологическое значение» (Зайцева, 2010: 20). «У меня огромная радость – батюшка благословляет **нести крест**» (Крупин В. Н. «Крестный ход»). Исходная цитата из Библии: «И, неся крест Свой, Он вышел на место, называемое Лобное, по-еврейски Голгофа. Там распяли Его и с Ним двух других по ту и по другую сторону, а посреди Иисуса» – фразеологизировалась и приобрела значение «терпеливо переносить страдания, испытания, выпавшие на чью-либо долю» (Мокиенко, 2010: 277). Однако в индивидуально-авторском контексте она получает новое коннотативное значение, происходит перенос на прямое значение церковного креста, нести который в праздник для мальчика честь и радость.

3. Фразеологизмы, «не представленные данным лексическим составом в Библии, но семантически детерминированные библейскими текстами» (Зайцева, 2010: 21). «Батюшка, отец Антоний, нацепляет мешок на плечи поверх рясы, облачается в темную фелонь, кажется горбатеньким. Выносят **неугасимый фонарь**. В нем разноцветные стеклышки. Внутри горят восковые свечи» (Крупин В. Н. «Крестный ход»). Образ-символ фонаря, неугасимой лампы восходит к ветхозаветной цитате «...И велл сынам Израилевым, чтобы они приносили тебе елей чистый, выбитый из маслин, для освещения, чтобы горел светильник во всякое время», где сам предмет не назван, однако появившийся впоследствии фразеологизм детерминирован библейским текстом.

Методика работы над данными фразеологизмами обусловлена учебной программой (например, в пятом классе учащиеся начинают знакомиться на занятиях с основами православной и других религиозных культур). Следует сказать и о возрастных особенностях учащихся, так как изучение художественных произведений В.Н. Крупина осуществляется в пятом классе, когда учащиеся находятся на промежуточном этапе: образное мышление сочетается с формирующимся логическим восприятием. Вследствие этого наиболее удачным решением для педагога-филолога является подбор ситуативных фразеологизмов.

#### • **Тьма египетская.**

В толковом словаре библейских выражений и слов находим:

**ТЬМА ЕГИПЕТСКАЯ, ЕГИПЕТСКАЯ ТЬМА.** Книжн. Полная, непроглядная темнота.

Восходит к ветхозаветному повествованию о **казнях египетских**.

☞ Ср. исх. 10, 21 – 23: И сказал Господь Моисею: прости руку твою к небу, и будет тьма на земле Египетской, осязаемая тьма. Моисей простер руку свою к небу, и была густая тьма по всей земле Египетской три дня. Не видели друг друга, и никто не вставал с места своего три дня (Мокиенко 2010, 481).

В художественных текстах В. Н. Крупина встречаем: «**Тьма египетская**» – это из прочтенного мамой рассказа Булгакова, а стала она применять выражение к отцу, когда он выпил аптечный пузырек с лекарством. А Булгаков, в свою очередь, взял тьму египетскую из Библии, эта тьма укрыла святое семейство от царя Ирода по пути в Каир (Крупин В. Н. «Сороковой день»). Отметим, что в данном контексте осуществляется процесс дивергенции, отклонения значения от исходного и приобретения нового коннотативного значения: у Булгакова М. А. «тьма египетская в глазах» у мельника, занимавшегося самолечением и принявшего слишком большую дозу лекарства, становится символом невежества, темноты крестьян. Таким образом, в тексте В. Н. Крупина проявляется омонимия форм, противопоставление исходного и конечного значений, фразеологизм расширяет смысловое пространство и приобретает два значения: 1) 'непроглядная темнота', 2) 'непроглядное невежество, незнание'.

- **Тело и Кровь Христова.**

Причащаются дядя Вася и Тамара истово, с благоговением. Впервые в жизни причащаются. Читаю благодарственные молитвы по Святом Причащении. Тамара старается дать батюшке приготовленные деньги. Он твердо отстраняет руку. – **Тело Христова и Кровь** не продаются. Если хотите помочь храму, положите, сколько можете, в ящик в храме (Крупин В. Н. «Тают снега. Весенний дневник»). В рассматриваемом контексте актуализируется исходное значение выражения, в Евангелии от Матфея сказано, что во время трапезы апостолов и Христа в Великий четверг, «Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ешьте: сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов». Таким образом, слова священника приобретают дополнительные коннотативные смыслы: Тело и Кровь Христовы – это 'символ веры, церкви и православия, истинного пути к Богу'.

«Причащается раб божий Сергей...» – а в это время хор пел: «**Тело Христова** примите, источника бессмертного вкусите». Сережа причастился, поцеловал чашу со скрещенными руками, подошел к столику, где ласковая старушка подала ему крохотный серебряный ковшик со сладкой водичкой и мягкую просфору (Крупин В. Н. «Первая исповедь»). Выражение **Тело Христова** приобретает индивидуально-авторскую коннотацию: Тело Христова и бессмертный источник для героя рассказа – 'ковшик со сладкой водичкой и мягкая просфора'. Коннотативный фон художественного текста создается дискурсивно обусловленной смысловой и экспрессивной энергетикой фразеологизма. Своеобразие коннотации как языковой универсалии заключается в специфике значимых единиц фразеологизма и их комбинаторики в организации текста.

В толковом словаре библейских выражений и слов читаем:

**ТЕЛО ХРИСТОВО.** Книжн., высок. Святой хлеб, которым причащают верующих в христианской церкви.

☞ Ср. 1. Кор. 10. 16 – 17. Чаша благословения, которую благословляем, не есть ли приобщение крови Христовой? Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение Тела Христова? Один хлеб, и мы многие одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба (Мокиенко, 2010: 475).

- **Содом и Гоморра.**

При введении на уроке этого фразеологизма учителю следует проявлять особую тщательность в подборе материала для объяснения семантики и этимологии выражения. Во фразеологическом словаре старославянского языка говорится о содомском грехе:

**СОДОМЬСКЪ И ГОМОРЬСКЪ**

Греховный, развратный, распутный, беззаконный (Шулежкова, 2011: 317).

Во фразеологическом словаре русского литературного языка закреплены несколько значений фразеологизма:

**СОДОМ И ГОМОРРА.** Книжн. Древние города вблизи Мертвого моря, которые были до основания разрушены Богом за грехи и беззакония их жителей. В живых был оставлен один праведник Лот с семейством (Мокиенко, 2010: 442).

В доме отца Виктора как в «**саду Могоморы**». Это выражение матушки Зои. Детей у них уже перевалило за десяток. Все тут есть: и Ваня, и Маша, и Гриша, и Владимир, и Екатерина, и Надежда, и Василий, и Нина... всех не упомнишь. Шум, крик, стычки (Крупин В. Н. «Прошли времена, остались сроки»). Отметим, что в данном контексте наблюдается искажение фразеологизма, возникает его окказиональная номинация. Образование таких контаминированных конструкций является рекуррентным для детской речи, когда неизвестные реалии структурируются в сочетании понятных говорящему обозначений и приобретают новое семантическое пространство: «сад Могоморы» – 'беспорядок, шум, гам'. Такие фразеологизмы эксплицируют субъективные смысловые оттенки, наполняя образные сочетания окказиональными коннотативами, которые активизируют семантическое восприятие художественного текста. Отметим, что при работе над фразеологизмами старославянского языка не следует усложнять их толкование, методически оправданным, на наш взгляд, обратить внимание учащихся на объяснение исторической ситуации, в результате которой возник фразеологизм.

Дидактические аспекты изучения фразеологизмов старославянского языка репрезентируют ценностно-культурные ориентиры, раскрывают смысловой тезаурус

художественного текста, восприятие которого обусловлено тем комплексом глубинных смыслов, которые эксплицируют авторский замысел.

### Литература

Зайцева, Я.С. Структурно-семантические и стилистические особенности фразеологизмов библейского происхождения в современном русском языке / Дисс. – Саранск, 2010. – 291 с.

Мокиенко, В.М. толковый словарь библейских выражений и слов / В.М. Мокиенко, Г.А. Лилич, О.И. Трофимкина – М.: АСТ, 2010.

Фразеологический словарь старославянского языка: свыше 500 ед. / Научно-исследовательская словарная лаборатория МаГУ; отв. ред. С.Г. Шулежкова, члены редколлегии: М.А. Коротенко, Л.Н. Мишина, А.А. Осипова. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 424 с.

**Summary.** The article deals with didactic aspects of studying phraseology of Old Church Slavonic, which represent values and cultural landmarks, open semantic thesaurus of literary text.

**Самосенкова Т. В.**

### КРУГОВОРОТ «ВЕЧНОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ» В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЭТНОСОВ

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный  
исследовательский университет  
samosenkova@bsu.edu.ru

Язык и культура постоянно взаимодействуют и влияют друг на друга. В языке фиксируются объекты и события, представляющие культурную значимость. Современные работы многих учёных нацелены на поиск и описание универсалий в языке (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, А. Е. Кибрик, Б. А. Успенский, Б. М. Гаспаров, В. А. Звягинцев и др.) К таким универсальным (концептуальным и языковым) категориям относятся и время.

В пословицах и поговорках, выражающих народное представление о временных категориях, в частности, о начале и конце, не только раскрывается значение цикличности всего происходящего и сакрализуется начало, не просто отражается религиозный смысл этих понятий или ритуальность, в них заключённая, на первый план выступает философский характер размышлений о времени, так называемая народная житейская мудрость, которая формировалась веками, и морально-нравственная оценка, составляющие содержательную и жанровую основу этого вида народного творчества. В своем значении паремия как набор моделей ситуаций и отношений, возникающих в обществе носителей языка, опирается на концепт, понимаемый как невербальное образование, которое осмысливается, переживается и получает название по слову, через которое оно вербализуется.

Мифология времени, пишет С. М. Толстая, включает идею начала и конца мира, память о смене поколений, сознание линейности человеческой жизни от рождения до смерти. Однако, по мнению ученого, цикличность мифологического времени это не просто следование природным, солнечным, лунным, вегетативным циклам (времена года, фазы луны, суточное время, периода роста и созревания растений), линейное время (историческое, жизненное) в традиционной культуре постоянно преобразуется в циклическое и вовлекается в круговорот «вечного возвращения». Это находит непосредственное отражение в произведениях народного творчества.

Каждый дифференцированный промежуток времени в любом обряде связан с действием и органичен определённым началом и концом этого действия. «Начало» и «конец» часто находят для себя конкретное обозначение в языковых традициях, сопровождаются религиозным и бытовым ритуалом. Различные словесные выражения, обозначающие начало и конец промежутка времени, различного рода обычаи, связанные с началом и концом, играют определённую роль в процессе восприятия времени, сообщают ему значительную дифференцированность.

Начало и конец тесно связаны в сознании русского человека: «Где не было начала, не будет и конца». Началу придается особое значение, оно получает качественную оценку – положительную или отрицательную: «Доброе начало – половина дела», «Плохое нача-